

ТКАЧЕНКО В.Н.,
доктор
исторических наук,
профессор,
член-корреспондент
НАПН Украины

ДОРОШЕНКО Н.П.,
кандидат
исторических наук,
доцент

УДК 327(477)

REALPOLITIK: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИСТОКИ КРИЗИСА В УКРАИНЕ

В статье анализируются глобальные истоки «гибридной войны» России против Украины в интерпретации последователей школы *realpolitik*.

Ключевые слова: кризис в Украине, сепаратисты, кризисное реагирование, миротворческая операция, аннексия Крыма, ЛНР и ДНР, холодная война, международное сообщество, «жесткая сила», «мягкая сила», санкции.

Нынешние драматические страницы украинской истории уже закономерно получили свое название «Отечественной войны 2014 года». Надеемся, они будут отмечены каким-то особым названием и в мировой истории. Во всяком случае, уже сегодня известный в научных кругах России аналитик Дмитрий Суслов (Высшая школа экономики), без тени сомнения пишет: «*Исход украинской коллизии, скорее всего, определит правила отношений великих держав на годы и десятилетия*». Его аргументация на этот счет привлекает к себе внимание: «*Российско-американская конфронтация, спровоцированная украинским кризисом*, чаще всего рассматривается как явление сугубо региональное. Однако ее корни гораздо глубже проблем Украины, ее природа – значительно сложнее геополитической схватки за эту страну, а последствия сказываются на связях США с другими центрами силы и на глобальном управлении в целом (здесь и дальше курсив наш. – Авт.)»¹.

А вот, по мнению Селест Уолландер – Главного советника президента США Барака Обамы по России в аппарате Белого дома – истоки кризиса в Украине

заметно смещены в другую плоскость. Так, считает она, *«нынешняя внешняя политика России, ее действия, особенно на Украине, на наш взгляд, создают угрозу для тех необходимых условий в сфере безопасности, которые сделали Европу регионом, где страны и народы мира могут жить в спокойствии и процветании, способствуя укреплению безопасности всего мира»*².

Итак, аналитики с российской стороны считают конфронтацию «спровоцированной украинским кризисом», а с американской стороны – такой, что проистекает из «нынешней внешней политики России». Если конкретизировать позицию российской стороны, то, по словам президента РФ Владимира Путина «мы осудили государственный переворот, силовой захват власти в Киеве в феврале этого [1914] года». Да к тому же ситуацию, дескать, усугубило то, что при заключении соглашения по Ассоциации Украины с ЕС, Россию «если говорить по-простому, по-народному, просто послали подальше»³. Для уточнения того, кто кого куда посылал, сошлемся на председателя правительства РФ Дмитрия Медведева: «всякий раз Евросоюз устами своих высокопоставленных представителей объявлял: Россия тут не при чем, это двусторонний процесс, пусть Москва в стороне подождет. Нас не хотели слышать»⁴.

Стало быть, после агрессии против Украины, Россия добилась своего – ее услышали. Да вот вряд ли это пошло на пользу делу. По свидетельству упомянутой выше Селест Уолландер, *«сложности в отношениях с Россией обусловлены нашими представлениями о том, какой выбор делал и какие действия совершал президент Путин в ходе кризиса на Украине. И не приходится удивляться, что в итоге мы имеем дискомфортные и сложные отношения. Потому что, на наш взгляд, его выбор был фундаментально несовместим с нормами и ответственностью такой крупной державы, как Россия. И мы не можем с этим не считаться»*⁵.

Но коль скоро речь зашла о «фундаментальных нормах и ответственности» в международных отношениях, то для понимания этих норм представляется необходимым обратиться к аналитическим исследованиям современной политологии – американской, российской, украинской.

Кто и как крутит колеса истории?

Обратимся к хрестоматийным истинам касательно анализа международных отношений. В пе-

риод после Второй мировой войны, когда противостояние двух мировых социально-экономических систем достигло состояния «холодной войны», научной мыслью было предложено значительное количество аналитических подходов и теоретических моделей. Среди них было зафиксированы: теория политического реализма Г. Моргентау, теория мира и войны Р. Арона, теория факторов К. Райта, теория международного эквилибриума (равновесия) Дж. Лиски, теория мировых систем И. Галтунга. Но самой известной и влиятельной, конечно же, стала школа политического реализма (realpolitik), возникшая в США во второй половине 40-х годов XX в. Она, безусловно, стала доминирующей за воздействием на внешнеполитические структуры ведущих стран мира. Среди ее сторонников такие ведущие американские ученые и политики как Дж. Кеннан, Г. Киссинджер и З. Бжезинский. В Европе к позициям политических реалистов близки Х. Бул, Р. Арон, М. Уайт. В нынешней России среди ведущих сторонников realpolitik можно назвать академиков Е. Примакова и А. Арбатова.

Пытаясь подвести теоретическую базу под политику холодной войны, отцы-основатели realpolitik провозгласили важнейшим постулатом внешней политики роль силы и силового фактора как условия обеспечения баланса сил и гарантии национальной безопасности. Пытаясь научно обосновать силы, определяющие ход мировой политики (кто крутит колеса истории?), реалисты оценивали силу как главное, а зачастую и единственное средство защиты и реализации национальных интересов. Кроме того, реалисты претендовали и претендуют на то, чтобы дать ключ к пониманию поведения и действий государств и государственных деятелей на международной арене, выявить саму логику международной политики.

Государства ими рассматривались в качестве реальных действующих лиц, которые, используя все находящиеся в их распоряжении материальные, финансовые и человеческие ресурсы, отстаивают свои интересы. В том случае, если международная система не располагает наднациональными властными структурами, наделенными прерогативами применять санкции для разрешения или предотвращения неизбежных противоречий и конфликтов между государствами, то такая система неизбежно станет полем анархического взаимодействия государств-актеров. Применению силы в международных отношениях приписывался объективный характер – это считалось универсальной

и необходимой частью всякого политического порядка. А любую альтернативу *realpolitik* ее последователи оценивали всего лишь как утопизм примитивной стадии политической науки.

Вместе с тем, исследователи отмечают, что реалисты не пришли к единому мнению относительно содержания, вкладываемого в понятие «сила». При множестве определений силы и мощи, общим для школы *realpolitik* является все же придание стратегическим ресурсам ключевой роли в динамике мировой политики. К таким ресурсам они относят: военные средства, производственные мощности, сырьевые ресурсы, численность населения, геостратегические преимущества, культурные особенности, моральный дух нации, искусство дипломатии и др. Зачастую сила рассматривалась реалистами в контексте способности государства устанавливать свои правила игры и определять исход переговоров в свою пользу. Силой считалась также способность государства выбирать и формировать структуры глобальной экономики, навязывать другим странам и народам свои ценности и нормы.

Особенно большое внимание представители *realpolitik* уделяют отношениям между государствами с упором на проблемы конфликтов и войн между ними. А поскольку в основе международных отношений лежит противоборство интересов и устремлений государств, то оптимальным путем обеспечения мира и безопасности реалисты видят достижение и поддержание относительного межгосударственного баланса сил.

В контексте школы реалистов международная политика, как и всякая другая политика, есть борьбой за власть между государствами как реальными мировыми актерами. В международной политике реалистами учитывается и следующий момент: сила не является неизменным Абсолютом, а лишь проявлением человеческих взаимоотношений. Поэтому любое государство может реализовать свой интерес, используя не только военные, но и экономические, человеческие, морально-психологические и иные ресурсы. Но нам в Украине особенно следует учитывать тот момент, что сторонники *realpolitik* «решительно не приемлют политику умиротворения вроде пресловутого мюнхенского соглашения, полагая, что политику безопасности, нацеленную на порядок и мир, можно обеспечить только с помощью силы»⁶.

Основными оппонентами школы реалистов всегда были сторонники либерального подхода к

анализу мировой политики. Они отвергают тезис об анархичности международных отношений и принципиальной невозможности их координации на основе внесиловых факторов. Представители романтического либерализма считают, что основой международных отношений мог бы стать добровольный отказ государств от насилия как средства политики, закрепление этого принципа в системе международного права и формирование наднациональных органов международного арбитража.

В условиях жесткого противостояния времен холодной войны, позиции либералов были заметно отодвинуты на периферию научного анализа. Однако после распада СССР вновь наступает возрождение либеральной школы. Представители неолиберализма Р. Кохэйн и Дж. Най стали отстаивать то положение, что сила (*hard power*) в традиционном понимании представляет собой недействительный или несущественный инструмент реализации политики. Более эффективными средствами влияния стали экономические и правовые рычаги (*soft power*). Тем не менее, государства остаются основными актерами международных отношений, хотя отнюдь не единственными. Наряду с ними в современном мире действуют универсальные организации (ООН), региональные (ОБСЕ), специализированные (ВТО), ТНК и целый ряд неправительственных организаций (правозащитных, экологических и т.д.).

В отличие от сторонников *realpolitik*, либералы подчеркивают стремление человека к сотрудничеству, ориентацию на достижение справедливости и морали. Они считают, что совершенствование институтов международного права дает возможность равноправного участия как крупных, так и малых актеров. Кроме того, все многообразие международных процессов, считают они, нельзя сводить к состоянию войны и мира. Доминирующая тенденция – международное сотрудничество. Плюрализм актеров предполагает и плюрализм их целей, которые не сводятся только к реализации национальных интересов (например – есть еще неправительственные организации). Либералы делают ставку на универсальные ценности и идеалы демократии. Приверженцы неолиберализма указывают на то, что анархичность международных отношений сегодня все больше ограничивается развитием уплотняющейся сети комплексной взаимозависимости в результате интенсификации транснациональных производств, торговли,

финансовых, технологических, миграционных потоков. Таким образом, у международного сообщества появляется расширяющийся сегмент совпадающих интересов, а потому государственное взаимодействие перестает быть только «игрой с нулевым результатом» – проигрыш одного может оказаться проигрышем для всех, и напротив, выигрыш одного – выигрышем для всех⁷.

В то время как реалисты и либералы спорили и продолжают спорить о том, что в мировой политике важнее – война или сотрудничество – и можно ли, избежав новых войн, добиться «вечного мира», западные исследователи обратили внимание на Английскую школу теории международных отношений. Именно она стала акцентировать внимание на том, что не война, а мир, есть цель внешней политики. А потому центральным понятием этой школы, которое впервые после Второй мировой войны употребил профессор Лондонской школы экономики Ч. Мэнинг, выступает «международное сообщество» (international society).

Логика мышления этой школы следующая. Мир существует в условиях международной анархии, где государства соревнуются между собой, отстаивая собственные интересы исходя из имеющейся у них силы. Этот принцип, изначально сформулированный реалистами вслед за Гоббсом, признается и Английской школой. Но здесь следует учитывать весьма существенную поправку: даже в этой анархической системе за последние столетия сложились некие правила, которые в современном мире не нарушает практически никто. Так, например, нельзя трогать послов, если даже они явились с нотой об объявлении войны. Также маловероятно, что кто-то из государственных деятелей может нанести какой-либо вред представителю другого государства во время его официального визита.

Постепенно этот комплекс норм и правил лег во главу угла формирования «международного сообщества», который в Английской школе рассматривают как следующий по отношению к международной системе уровень взаимодействия, своеобразное «общество государств». Оно определяется как группа государств, ощущающая безусловную общность интересов, ценностей и представлений об общественном устройстве. В силу этой сложившейся общности, все входящие в нее страны настолько доверяют друг другу, что готовы к добровольному и разумному самоограничению в пользу общих правил и институтов, которые обеспечивают и регулируют международное сотрудничество.

Благодаря этому, собственно, состояние анархии вытесняется более сложной и эффективной формой международного взаимодействия – кооперацией.

Далеко не все страны входят сегодня в это международное сообщество. Его ядром, несомненно, остается евроатлантическое сообщество, куда входят США, Европейский союз, Япония, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Но что характерно – другие страны мира, за редким исключением, от международного сообщества вовсе не отгораживаются, а, напротив, стремятся к нему приблизиться, стать его полноправными участниками. И если «большая семерка» (уже без России) объединяет лидеров евроатлантического сообщества, то в «большую двадцатку» входят Китай, Индия, Индонезия, Россия и другие. Эти государства «второго эшелона» в отличие от старых богатых стран относительно недавно вошли в международную систему. По мере собственного экономического, политического и культурного развития они все ближе приближаются к полноценному участию в международном сообществе. Ведь тут нет никаких расовых или цивилизационных различий.

Соблюдение правил игры увеличивает доверие, а доверие открывает путь в международное сообщество. Нужно лишь соблюдать в международных отношениях установившиеся цивилизованные нормы поведения. Однако, как показало течение саммита G-20 в Брисбене (Австралия) 15-16 ноября 2014 года, Россия как нарушитель этих норм поведения, ныне пребывает «скорее за пределами международного сообщества, чем внутри его. Руки на протокольных мероприятиях пожимают по-прежнему, но доверие утрачено полностью». Именно на этом акцентирует внимание заведующий кафедрой политологии Московской высшей школы социальных и экономических наук Василий Жарков, вместе с тем прогнозируя: «На восстановление политического доверия, растоптанного в считанные месяцы, уйдут годы, если не десятилетия. И переход на блатной жаргон вряд ли поможет нашей дипломатии, хотя, конечно, может иметь некоторый успех внутри страны»⁸.

После такого прогноза остается лишь пожелать России рано или поздно вернуться в международное сообщество, хотя на этом пути, судя по всему, ей предстоит большое переосмысление самое себя. Хотя, собственно, и сейчас еще, в силу установившихся традиций международного сообщества, в случае приглашения ее на саммит G-20, гостю бу-

дет оказан надлежащий прием. И на коллективном фото будет его портрет, пусть и не в самом центре композиции, но будет.

Realpolitik о кризисе в Украине

В решении того или иного конфликта, где каждая страна сообразно с текущим моментом применяет свою тактику в отстаивании своего национального интереса, определяющую роль в конечном итоге играет все же стратегия. Понять стратегию своего противника, как и стратегию союзников – это непереносимое изначальное требование и во время ведения военных действий, и в час переговоров, и по достижении мира. Сейчас это особо актуально для Украины, где долгое время культивировался тезис о немыслимости войны «благостного и добродетельного» русского народа против «братского» украинского. Поддержка со стороны 86% россиян самого факта аннексии Крыма оказалась для нас и шоком, и отрезвляющим душем. Выход один: приходится избавляться от присущего кое-кому украинского хуторянского благодушия и более серьезно относиться, например, к оценкам такого матерого аналитика как Джордж Фридман – основателя и руководителя аналитической группы Stratfor. Это учреждение абсолютно легально выполняет функции частной разведки, пользуясь при этом методологией *realpolitik*, и о международных делах знает не понаслышке.

С этой точки зрения анализ кризиса в Украине через призму *realpolitik* может оказаться полезной с той точки зрения, что методология школы политического реализма формирует в определенном смысле тот общий знаменатель, который характерен для работ многих видных аналитиков послевоенного времени. Ведь в период холодной войны, как США, так и СССР (да и другие великие державы) руководствовались, да и ныне во многом руководствуются принципами силовой политики.

Вместе с тем, отдавая должное маститому американскому аналитику, следует отметить, что и сам Фридман, и исповедуемая им методика «реальной политики» не всегда, и не во всем оказываются на высоте положения. Как говориться, и на старуху бывает проруха. Так, например, совсем недавно – в своей публикации от 31 января 2014 года – он утверждал, что геополитические реалии таковы, что ни одна страна мира не заинтересована в Украине больше, чем Россия. Равно, как ни одна страна мира не способна сыграть и большую роль в ее судьбе. А потому, стало быть, ситуация в

целом пребывает под контролем России, и за все, что касается событий на Майдане, не следует особенно переживать: «невзирая на весь шум в Киеве и других городах, к серьезным геополитическим изменениям это вряд ли приведет»⁹.

Дальше – больше. Еще в апреле 2014 года, публикуя прогноз на второй квартал, Фридман был откровенно скептичен на счет политической стабильности в Украине после свержения режима Януковича. Ему казалось, что новая правящая коалиция уже с первых дней стала трещать по швам от разногласий между «евроориентированными силами, националистическими партиями и ультра-правыми движениями». Истоки нестабильности – угроза дефолта, поскольку кредит Международного валютного фонда сопряжен с политическими издержками при осуществлении реформ. Ведь именно здесь появлялся риск, что поднятие цен на газ для населения и введение гибкого валютного курса могут углубить разногласия между политическими силами и создать угрозу устойчивости правительства в целом. А потому, мол, *«по мере спада революционного энтузиазма Украина погружится в привычный паралич»*. В силу сложившейся ситуации, «в долгосрочной перспективе по мере осознания неспособности исполнения Украиной долговых обязательств Евросоюз, который борется с собственным экономическим кризисом, уменьшит помощь охваченной кризисом стране». А затем, считал тогда Фридман, *«несмотря на бряцание оружием, Россия, скорее всего, не осуществит военного вторжения на территорию материковой Украины»*. Однако Россия будет использовать свои силы на российско-украинской границе и в Крыму, Приднестровье и Беларуси для поддержания военного давления на Украину»¹⁰.

А ведь случилось по-другому, несмотря на то, что силовые структуры Украины действительно были подорваны российской агентурой. Но все же гражданское общество Украины, которое уже показало свою зрелость, приняло все меры для поддержки правительственного курса. Сепаратисты в зоне АТО были на грани полного поражения, если бы не ввод в августе 2014 года российских воинских частей, массированно использующих системы «Град» и других средств массового поражения.

Однако, и при таких погрешностях в прогнозах, надо отдать должное Фридману. Все-таки, ошибки отрезвляют. А потому, после всего переосмысленного вследствие военной авантюры России, американский аналитик стал менее однозна-

чен как в своих общих прогнозах, так и оценках текущей политики Москвы. Так, перед своей поездкой в Москву для выступления 9 декабря 2014 года в МГИМО на тему стратегического прогнозирования он отмечал: «В каждой войне есть враг и город, олицетворяющий этого врага. Я потратил слишком много времени в своей жизни, размышляя о Москве, и теперь не могу избавиться от глубоко въевшегося в меня ощущения, что это город мрака и заговоров... Конечно же, мы не стоим на пороге ядерной войны и не думаем, что советские дивизии вот-вот хлынут в Западную Германию. Но меня заинтересовало вот что. Люди, которым я рассказал о своей поездке – а они знают, что я постоянно совершаю такие поездки и обсуждаю такие вопросы – обеспокоились моей безопасностью. Кто-то спросил, не боюсь ли я ареста и не опасаясь ли за свою жизнь. Директор Startfor по безопасности даже отнял полчаса моего времени, напоминая мне о возможных угрозах. Мы оба в таком возрасте, что эта беседа нам страшно понравилась»¹¹.

К каким же выводам (пусть пока и промежуточным) пришел Фридман в своем анализе политики России по отношению к Украине? Первый, чуть ли не самый главный – сравнение даже с политикой Советского Союза не пошло на пользу нынешней России: «События на Украине не являются для нас неожиданностью... Но расстояние между «тогда» и «сейчас» так же важно, как и сам конфликт. Должно быть чувство меры. Если бы меня попросили назвать главное отличие, я бы сказал так: в Советском Союзе до 1980 года была всеохватывающая идеология. Со временем люди разочаровались в ней и стали проявлять цинизм, но долгое время в нее верили, и ее боялись. О сегодняшней России можно сказать многое, но она больше не идеологическая страна. *Она националистическая* (другие страны в таком случае мы называем патриотическими), *она – олигархия, она коррумпирована, она авторитарна. Но в этой стране нет глубоких убеждений, по крайней мере, нет единого убеждения.* Советский Союз когда-то считал себя авангардом всего человечества. Это придавало ему силы, это также обескураживало и пугало. У России нет больше таких претензий. Это просто другая страна»¹².

Вот в этом последнем тезисе Фридмана уже заложена проблема для обсуждения: «не претендует», или не в состоянии выдвинуть какую-то внятную модель развития в ответ на вызов времени? А

потому-то и лихорадочно мечется, угрожая всем и вся, пускаясь в военные авантюры и вызывая тем самым реакцию санкций со стороны мирового сообщества?

Второй вывод американского аналитика касается видения основной линии противостояния в современном мире. В его изложении все вроде бы просто донельзя: США заинтересованы в том, чтобы в лице России предотвратить появление нового европейского гегемона. Русские, в свою очередь, хотят сохранить за собой контроль над «буферными зонами», в число которых вносят и Украину. В создавшейся обстановке, утверждает Фридман, очень трудно представить себе, как можно соблюсти интересы обеих государств: «налицо расхождение интересов между США и Россией, углубляемое многочисленными странами с европейского полуострова. Такое расхождение было неизбежно. Когда ослабевали европейцы, по сравнению с ними усиливалась Россия. Когда Украина сменила ориентацию с России на Запад, России пришлось на это отреагировать. Когда отреагировала Россия, реагировать пришлось и США. Каждая сторона может изображать другую в качестве чудовища, но ни та, ни другая чудовищами не являются. Просто каждый ведет себя в соответствии со складывающимися обстоятельствами»¹³.

Опять какая-то странная логика школы *realpolitik*: прямо-таки обреченность на противостояние, которой якобы никто не в состоянии противопоставить альтернативу мирного сосуществования – при обязательном учете и уважении национальных интересов друг друга. На что же тогда годятся наши политики и дипломаты?

Good boys and bad gays

Как любит акцентировать внимание Фридман, в отношениях между странами вообще трудно дать оценку тому, кто хорошие ребята, а кто плохие парни. И потому-то не зря в мире пока что доминирует введенная в научный оборот Адамом Смитом «невидимая рука рынка». Это что касается объективного фактора. А в качестве субъективного фактора он приводит известный тезис Николо Макиавелли, где утверждается, что достоинство государя базируется на неумолимом исполнении того, что он должен исполнять. На этом, по мнению Фридмана, вроде бы сходятся и сторонники стратегического прогнозирования *realpolitik*, с одной стороны, и марксисты (бывшие и нынешние) – с другой. Все они в основу политического анализа ставят «Его

Величество Необходимость». Вот это, стало быть, и создает основу для взаимопонимания между Западом и Россией, для каких-никаких переговоров относительно решения кризиса в Украине.

Понимание Фридманом социальных процессов основано на его уверенности в предсказуемости поступков рациональных международных актеров. Он полагает, что политик, если он хочет быть успешным, должен быть исключительно рациональным в том пространстве, которое он занимает. Его действия, которые необходимы для того, чтобы поднять и повести за собой миллионы людей, не говоря уже о сотнях миллионов, требуют огромной самодисциплины и острого инстинкта. Восхождение такого рода, а тем более достижение вершин власти под силу весьма немногим. На этом основании Фридман делает вывод, что «у Обамы и Путина гораздо больше общего друг с другом, чем с их гражданами. Оба пришли к власти из той среды, из которой не смог выйти наверх почти никто»¹⁴.

Вот тут и настал час, когда ситуация вокруг кризиса в Украине стала тем самым тестом на зрелость, который, по нашему мнению, и должен внести ясность относительно перспектив рациональности мышления в современной политике и отличий между Путиным и Обамой. А ведь, судя по всему, здесь не все так гладко и однозначно, как кое-кому хотелось бы. Сошлемся на авторитетное мнение канцлера ФРГ Ангелы Меркель, чьи принципы и взвешенность оценок среди аналитиков считаются не подлежащими сомнению.

Итак, вспомним, как это было. Вечером 2 марта 2014 года по московскому времени состоялся продолжительный телефонный разговор Путина и Меркель по урегулированию кризиса в Украине при участии миссии ОБСЕ. Сразу же после этого разговора канцлер ФРГ перезвонила президенту США и сообщила ему, что российский президент потерял «связь с реальностью». Более конкретно слова немецкого канцлера звучали таким образом: «она не уверена, сохранил ли господин Путин связь с реальностью», поскольку пребывает «в другом мире». Именно эти слова привела газета *The New York Times* на своем сайте со ссылкой на свои собственные источники. Трудно сказать, как складывалось дальнейшее течение телефонного разговора. Но примечательно то, что после него США настояли на немедленном допуске наблюдателей ОБСЕ в зону конфликта, а семь ведущих стран пригрозили России отказом от участия в со-

чинском саммите «восьмерки», вернувшись впоследствии к формату «семерки» – уже без России¹⁵.

На это отторжение Западом нерациональных поступков России пришлось как-то реагировать. Во всяком случае – ей предстояло предложить свою версию произошедшего факта агрессии России против Украины. И вот здесь свой уровень рационального мышления в стиле *realpolitik* взялся продемонстрировать бывший министр иностранных дел РФ (1996-1998), а впоследствии премьер-министр РФ (1998-1999) Евгений Примаков. В компетентности академику Примакову не откажешь – все же он был и первым директором Службы внешней разведки, и директором Федеральной службы контрразведки РФ. Поэтому нет ничего удивительного в том, что кризис вокруг Украины, он охарактеризовал «событием номер один по своему влиянию на развитие межгосударственных отношений в сегодняшнем мире».

Что же касается истоков кризиса, то здесь была предложена очередная версия конспирологии в формате мирового заговора США против России «с целью внедрения однополярного мироустройства». В создавшейся ситуации, по мнению Примакова, присутствует и «стремление вытеснить Россию из мировой политики», и задача «заглушить центробежные тенденции проамериканских сил в Киеве», и «установление военного контроля США над Черным морем» с целью ущемить «жизненные интересы России», да заодно и «сделать Турцию более податливой в отношениях с Соединенными Штатами». Нового в этих утверждениях ничего не было: так себе – традиционный дебют. Но тут следует отдать должное вершине конспирологии Примакова. По его мнению, **именно Америка якобы и стала на деле закулисным инициатором захвата Россией полуострова Крым и вторжения в другие восточные регионы Украины**: «Судя по позиции Вашингтона, ставка делалась на втягивание российских Вооруженных сил на Юго-Восток Украины. В таком случае Европа с учетом настроений ее общественности на долгие десятилетия оставалась бы в орбите политики США»¹⁶. Вот ведь оказывается, где собака зарыта!

Но и это, оказывается, еще не все. Для вящей убедительности всех этих рассуждений Примакова, да и подобных других, российской стороне было бы удобно сослаться на какого-нибудь авторитетного автора из граждан критикуемой страны (то есть США), да и воспользоваться его мнением в качестве «вишенки на торте», которая бы при-

дала эстетическую завершенность конспирологической конструкции. На этот счет в России всегда есть свои союзники среди аналитиков зарубежных стран. Но здесь еще *текущий момент диктовал необходимость, чтобы кто-то из американцев также выразился в стиле «неадекватности восприятия мира» руководством своей же страны.* Вот тогда бы тезис о «неадекватности» был бы снят персонально с Путина и получил бы распространение как характерная черта современного политического истеблишмента вообще. Мол, все мы под Богом ходим: не судите, да не судимы будете.

И такие нашлись. В сентябре 2014 года, когда забрезжила перспектива прекращения огня на Донбассе, политический редактор журнала The National Interest Роберт Мерфи обрисовал создавшуюся ситуацию в американо-российских отношениях следующим образом: «Президент Обама, похоже, не знает, почему события прошлой недели на Украине произвели на него столь сильное впечатление. Российский президент Владимир Путин начисто переигрывает его; тем не менее, американский президент выражает свои мысли так, как будто может сказать нечто существенное по данной теме. *Это несоответствие между реальными событиями и рассуждениями президента показывает, что Обама потерял связь с реальностью*»¹⁷. Что же, путинская Россия может аплодировать – ответственность за агрессию против Украины раскладывается на всех: мол, у всех рыльце в пушку.

Что и говорить – предчувствие новой холодной войны диктует свои правила игры. От них трудно удержаться, но все же мы не ставим перед собой задачу анализировать особенности психологического восприятия действительности ни господином Путиным, ни госпожой Меркель, ни господином Обамой. Где-то в этой области должна быть проложена «красная черта» – ведь в нашем случае речь идет не просто о персоналиях, а о людях, которые олицетворяют собой выбор народа. Придет время, и история скажет свое слово об их деяниях. А пока они выступают полномочными официальными представителями того или другого народа, то этот факт, очевидно, требует и от нас соответствующей политической корректности.

Видимо выход из ситуации на каком-то этапе следует искать в распространенном трезвом суждении, которое гласит: если президент даже где-то и не прав – то надо просто поменять советников.

Советники: их модели и информация

Можно ли размышления в русле «реальной политики» воспринимать как устоявшуюся в политологии (да и дипломатии) истину? И да, и нет. Отдельные наблюдения действительно привлекают к себе внимание. Но это не значит, что в Украине мы должны безоговорочно принять исповедуемую Фридманом (как, впрочем, и Примаковым, Арбатовым, как и Киссинджером, Бжезинским, Ароном, и т.д.) модель *realpolitik*. Не в последнюю очередь потому, что она идеализирует примат рационального мышления в принятии государственно важных решений. Сравнивая с игрой шахматных гроссмейстеров, Фридман, например, акцентирует внимание на том, что они играют весьма предсказуемо: на каждый ход одного другой отвечает таким же весьма прогнозируемым ходом, а потому у игроков высокого класса шахматная партия чаще всего заканчивается ничьей. То же самое можно сказать и о политиках: действующие беспечно и наобум руководители всегда непредсказуемы. Но и политическая жизнь их весьма недолгая – выживают лишь самые одаренные и дисциплинированные, а они, соответственно, предсказуемы. На этом, мол, и зиждется пафос реалистической школы.

Однако, как признают сами же сторонники *realpolitik*, дьявол кроется в деталях. А они состоят в констатации того, что нынешняя Россия не обладает необходимой стратегией видения настоящего и будущего. А при таком положении дел очень трудно говорить о предсказуемости политических игроков. Корень зла, по мысли Фридмана, в этой ситуации заключается в том, что стратегический анализ и прогноз относится к тому классу информации, который наиболее чужд разведслужбам. Это, стало быть, касается и большинства политических деятелей, пришедших к власти вместе с Путиным. Они-то, как раз и привыкли полагаться на разведслужбы, которым всегда более привлекательны текущие вопросы, непосредственно поддающиеся контролю.

Но стратегические вопросы – это совсем другое дело. Они требуют колоссальных усилий аналитиков, да к тому же в прогнозах можно и ошибиться. А это может привести к нежелательным политическим последствиям, которых любой государственный чиновник старается избежать под любым предлогом. Поэтому, обобщает Фридман, карьере разведчика не способствует широкое и долговременное мышление, даже если оно абсолютно правильное. И это можно понять: любой

чиновник старается не брать на себя лишнее – он знает, что всегда может «быть не так понят» и понести за это незаслуженное наказание.

А в принципе, как показывает мировой опыт, при оптимальном раскладе информация стратегического значения должна строиться не так на агентурных источниках, как на моделях. При этом разработкой последних лучше заниматься вне рамок государственных разведслужб, ведь главный принцип стратегического анализа и прогноза состоит в том, что надо безжалостно выбрасывать в корзину ту собранную информацию, которая не является критической, чтобы верно определить центр тяжести событий. Излишняя сложность мешает видеть суть предмета, находящегося прямо перед глазами, и понимания возникающих закономерностей общего характера. Если не будет готовой модели, которая управляет отбором и потоком данных, вся система рухнет под потоком информации, часто поставляемой разведслужбами наобум.

Так-то оно так, но, возражая Фридману в его анализе, мы должны отметить, что ведь и созданные вроде как независимыми аналитиками модели ведь тоже являются плодом рук человеческих, а значит, несут в себе элемент субъективности. Да и не просто произвольный элемент, а откровенно «заточенный» (даже в силу «внутреннего цензора») на интерес и понимание того или другого первого лица. Так, возвращаясь к аналитике Дмитрия Сулова из Высшей школы экономики – а это весьма авторитетное научное учреждение – нельзя удержаться от впечатления, что сгруппированные им вопросы уже не однажды звучали в выступлениях президента Путина: «Имеет ли Россия как один из независимых полюсов многополярного мира право на собственный интеграционный проект в Евразии? Имеют ли вообще великие державы право на дружественное окружение, право самим создавать порядок и безопасность по периметру своих границ и быть его центром? Должен ли международный порядок в Европе и Евroatлантике базироваться на расширении западных институтов вплоть до российских границ, притом, что сама она из него априори вычеркнута, или же он должен строиться совместно Россией и Западом? Наконец, почему Соединенные Штаты считают возможным объявлять одни государства и режимы суверенными и легитимными, а другие нет, и свергать неудобные им режимы?»¹⁸.

При чтении этих постановочных вопросов нельзя отделаться от мысли, что в каждом из них

центральным элементом есть понимание примата силы, как системообразующего элемента формирования международных отношений. Это звучит как обоснованная претензия на произвол сильного по отношению к более слабому: на право навязывать соседям свой интеграционный проект; на право поставить заслон устоявшимся в мире демократическим институтам и ценностям; на право объявлять одни государства суверенными и легитимными, а другие нет. И, что особенно бросается в глаза, *при этом пытаются изобразить положение дел таким образом, что силовый фактор в условиях отхода от ялтинских принципов послевоенного мироустройства – дело не то что обычное и правомерное, а даже благое*. И судьбу Украины в этом контексте планируется решать уже по каким-то новым, хотя еще и не признанным мировым сообществом правилам. Констатируется как должное, что «в отличие от столкновений 1999, 2004 и 2008 гг., украинский кризис 2014 г. стал не просто схваткой Москвы и Вашингтона за правила отношений между великими державами, но вывел ее на принципиально новый уровень»¹⁹.

Так в чем же, собственно, с точки зрения российских адептов *realpolitik*, сущность и основные черты этого нового уровня противостояния? Ведь нынешнее обострение международных отношений – факт настолько очевидный, что не нуждается в каких-то дополнительных аргументах, а тем более оправданиях. Однако новизна момента состоит именно в культе откровенного цинизма: российские аналитики и не пытаются даже отрицать факт нарушения Россией устоев послевоенного мира. Они исходят из другого тезиса: мол, первыми начали американцы, которые постоянно применяли силу для защиты собственных национальных интересов. В итоге, по вине двух сторон – России и США – ныне произошло наиболее драматическое за последние четверть века «усугубление международного беспорядка». Так чему же, стало быть, тут и удивляться, если «присоединение Крыма и поддержка Россией восстания в Донбассе показали, что *отныне не только США, но и другие государства могут посягать на фундаментальные нормы международного права*»²⁰.

Таким образом, приходится принять как факт, что в общественном мнении России восторжествовала стратегическая линия на то, что сильному государству позволено все. Вот только приведет ли она к решению конфликта вокруг Украины? Да и удастся ли России выйти из него «сохранив лицо»?

Ведь свой «афганский синдром», как и «иракский синдром», поразивший американцев, мог бы навести и на трезвые мысли.

Это есть наш последний и решительный?

А пока что складывается впечатление, что своими агрессивными действиями против Украины Москва практически лишила себя шансов свернуть конфронтацию с Соединенными Штатами. Хотя раньше ведь как-то удавалось договариваться о правилах игры. Например, после газового кризиса 2008 года стороны негласно приняли формулу «взаимно согласиться не соглашаться по Украине», но при этом продолжать сотрудничество по другим вопросам. Все это так, да, видимо, всему приходит конец. На этот раз ситуация сложилась принципиально отличная. Аннексировав Крым и введя регулярные войска для поддержки сепаратистов Донбасса, Россия осознанно отрезала себе путь к отступлению. Она дала понять Западу, и в первую очередь США, что готова на многое ради того, чтобы удержать Украину вне западной орбиты, превратив ее если не в зону оккупации, то, во всяком случае, сведя к роли «санитарного кордона» против Запада.

Теперь российские аналитики с горечью констатируют, что агрессивные действия России создали ситуацию, когда единственным способом выхода из коллизии обе стороны – США и Россия – рассматривают, судя по всему, если не капитуляцию, то, во всяком случае, жесткое навязывание противоположной стороне своих правил игры. А поскольку фундаментальные изменения внешней политики при нынешнем руководстве России просто невозможны, то условием нового улучшения отношений отныне, судя по оценкам и американских, и российских аналитиков *realpolitik*, можно считать разве что смену российского политического режима. Например, в качестве аргумента российские аналитики апеллируют к оценке ситуации Бараком Обамой, назвавшем Россию одной из главных угроз международной безопасности – наряду с «Исламским государством» и вирусом Эбола.

А ведь и верно – как бы там ни было, а складывается впечатление, что и США, и Россия, видимо, пришли к выводу о том, что именно сейчас сложились наилучшие условия для «решающего боя». Кто первым из них принял такое решение – окончательно решат историки некоторое время спустя. Разве что российские аналитики продол-

жают твердить, что это Вашингтон избрал путь конфронтации еще до падения режима Януковича в 2014 году. Тем самым они пытаются оправдать Россию, которой, мол, не оставалось ничего иного, как аннексировать Крым ввиду неизбежной угрозы превращения Крыма в базу НАТО. Аргумент, как видим, прост и традиционен для России еще с царских времен: не возьмем Крым мы, так он достанется нашим супостатам.

Впрочем, бывший советник Путина, а ныне аналитик Центра Института Катона (Вашингтон) Андрей Илларионов придерживается другого мнения: то, что называют «украинским кризисом», на деле есть актом прямой агрессии Путина против Украины, которую, к большому сожалению, поддерживает большинство россиян. По убеждению Илларионова, эта война готовилась минимум 11 лет: «с 2003 года. Я могу сказать, что в моем присутствии обсуждались некоторые вопросы будущей войны против Украины. В то время я не думал, что это обсуждение действительно приведет к войне». Еще в 2004 году, вспоминает эксперт, во время Оранжевой революции уже проверялась подготовка дальнейшей оккупации и аннексии Крыма, а в 2008 году в «Русском журнале» была опубликована утечка плана военного командования – по сути это был проект войны против Украины, описанный во всех деталях. С 2009 года, появились конкретные сообщения о действиях, направленных на поддержку сепаратистов в Украине.

А поскольку, считает Илларионов, эту войну готовили очень долго, то вряд ли она скоро и закончится: «Мы видим, что Путин говорит то, что он делает. Мы имеем дело с долгосрочной войной». При этом, холодная война оценивается в Москве как третья. А сейчас говорят, что мир вступил в период «четвертой мировой войны, чтобы изменить правила игры». К тому же Илларионов называет и едва ли не наиболее существенный элемент создавшейся конфронтации: «Это – информационная война или, сказать правильнее, дезинформационная война на всех языках, которая создает новое видение мирового порядка. К сожалению, мы должны признать, что они достигли определенного успеха не только в России, но и в других местах»²¹.

И здесь Илларионов тоже прав. Плохо то, что представители школы «реальной политики», в том числе и Фридман, всегда подспудно признавали за Россией право на контроль над «буферной зоной». А Украина, с их точки зрения, всегда была важна для России в силу своего стратегического положе-

ния: «если кто-то заблокирует земли между Украиной и Казахстаном, Россия будет отрезана от Кавказа... Кроме того, на Украине располагаются два важных порта – Одесса и Севастополь, которые для России важнее даже Новороссийского порта. Потеря торгового и военного доступа к этим портам совершенно подорвет российское влияние на Черном море и отрежет ей доступ к Средиземному морю. Оставшиеся порты России будут заблокированы Гренландией, Исландией и Великобританией на западе, льдом на северо-востоке, Данией в Балтийском море и Японией на востоке»²².

В силу этого, мол, надо воспринимать и логику политического курса России по отношению к Украине, интеграция которой в Европу, конечно же, «представляет собой потенциально смертельную угрозу российской национальной безопасности». В свете этой логики, пишет Фридман, по-другому будут восприниматься и угрозы со стороны Владимира Путина на тот счет, что «неправительственные организации, разжигающие беспорядки, работают на американский Госдепартамент, ЦРУ и британскую разведку», что «будет иметь катастрофические последствия для России». И стоит ли удивляться, отмечает Фридман, что президент РФ использовал экономическое давление и государственные спецслужбы для того, чтобы не дать Украине следовать этим курсом. Тем более, что и до этого был прецедент, и Украина имела возможность убедиться в серьезности российских намерений, когда российско-грузинская война 2008 года «была призвана продемонстрировать Киеву, что западные гарантии не имеют никакой ценности, что США не смогли помочь Грузии, и что у России есть военная мощь»²³.

Ну а коль скоро логика действий России находила понимание в определенных кругах реалистической школы Запада, то стоит ли удивляться, что отсутствие в первой половине 2014 года внятного ответа со стороны Запада, а прежде всего США, и создало ситуацию в мире, весьма некомфортную по многим параметрам. Прежде всего, для Вашингтона был создан опасный прецедент, который поставил под сомнение его способность предотвратить или обратить вспять грубое нарушение Россией как «региональной державой» установленных в мире правил игры. Возникал закономерный вопрос: ведь если США не в состоянии удерживать претендующую на региональную гегемонию державу от посягательств на суверенитет Украины как самого крупного государства Европы и важ-

ного для них стратегического партнера, то могут ли они гарантировать безопасность своим союзникам?

Кроме того, судя по всему, сыграли свою роль и другие факторы. Истоки ее исходили еще к осени 2013 года, когда провалилась последняя попытка администрации Обамы выстроить невраждебные отношения с Москвой. Однако «отказ России, несмотря на уступку США по ПРО, приступить к новому раунду сокращения ядерного оружия, обострение ситуации вокруг Сирии и дело Эдварда Сноудена окончательно убедили Белый дом в бесперспективности попыток наладить с «путинской Россией» конструктивные отношения». Именно с этой поры, по мнению российских аналитиков, «смена режима в конечном итоге представляется Соединенным Штатам наилучшим и, главное, вполне достижимым способом реагирования на вызов «путинской России»²⁴.

Передислокация

Стоит ли удивляться, что вследствие откровенно вызывающего курса России, Запад, хотя и не без колебаний, сделал ставку на сближение с Украиной как второй по величине постсоветской страны, без которой, по давней формуле Збигнева Бжезинского, Россия не сможет стать империей. Памятуя уроки Грузии, это, судя по всему, планировалось сначала делать не через НАТО, а путем ассоциации с Евросоюзом, против чего Россия никогда прежде, во всяком случае, на словах, особо не возражала. Но в 2013 году Россия стала воспринимать события уже совсем по-другому. Спыхватившись, что без Украины Евразийский союз будет выглядеть совсем неубедительно, Москва решила помешать ассоциации Украины с ЕС. Так или иначе, отмечает представитель российской школы *realpolitik* Алексей Арбатов, но «в украинском вопросе ставки России и Запада оказались чрезвычайно велики, хотя для первой они, безусловно, были намного выше, и это было недооценено в Вашингтоне и Брюсселе. При чем **проблема не в таможенных тарифах на товары западного производства, которые пошли бы на российский рынок – данная угроза была весьма преувеличена.** Дело в другом – помимо геополитики, **выбор ближайшим родственным народом путей своего развития является для России в отличие от Запада важнейшим вопросом внутренней политики, перспектив собственного социального прогресса»²⁵.**

Вот этот момент – выбор Украиной своего собственного пути развития – как раз и стал определяющим в оценке принципиально новой ситуации, которая сложилась вследствие агрессии России против Украины. В действительности этой оценки смог убедиться и тот же Джордж Фридман, совершив летом вояж по странам Балтии, Центральной Европы, а затем по Турции и Азербайджану. В одних странах, он стал «свидетелем ошеломляющего уровня беспокойства». И даже в Турции, которая находится подалеже от границ России, его собеседники указывали на ситуацию вокруг Украины если не как на доминантную тему для обсуждения, то, во всяком случае, как на «общую тенденцию»: а что, действительно ли русские двинулись вперед?

Россия же, в свою очередь, тоже определилась в своем своеобразном видении угрозы со стороны Украины. С российской точки зрения, «Европа и США сделали то, с чем Москва никогда не сможет смириться: привели к власти в Киеве прозападное правительство. Для них западное признание популярного восстания в Украине лежит в плоскости финансируемых Западом неправительственных организаций, сыгравших главную роль в поддержке движения, свергнувшего правительство. Но это не главное. Главное то, что сейчас именно прозападное правительство контролирует Украину, а это значит, что Российская Федерация в опасности»²⁶. Что ж, здесь тоже есть присущая России логика: если не с нами, значит – против нас.

И снова оправдалась старая истина: прогноз, даже если за ним стоит такая авторитетная на Западе корпорация как Startfor – дело если и не сомнительное, то весьма ненадежное. Во-первых, еще в середине июля Фридман прогнозировал, что «русские не будут вводить войска в Украину». Аргументация здесь была следующая: нельзя оккупировать 50-миллионную страну теми 50-ю тысячами солдат, которых Россия отоблизовала, да еще в условиях противодействия оккупированного населения. Трудно не видеть того, что Россия позиционировала себя как ведущая сила в регионе, но, отметил Фридман, «американская угроза складам боеприпасов и возможные воздушные удары по топливным складам – это не то, что можно не принимать во внимание – также как и угроза народных волнений – вот что заставило их быть осторожными». В итоге, прогноз оказался в чем-то прав, но далеко не во всем прав. В конце августа Россия все-таки пошла на этот шаг – введение определенного воинского контингента в Лу-

ганскую и Донецкую области – но развивать наступление не решилась.

Но вернемся к логике размышлений Фридмана. Дальше она пошла по линии освещения упрочения позиций США как единственной реальной поддержки для Восточной Европы. Сам факт визита Барака Обамы в Польшу, а Джо Байдена в Румынию свидетельствовал о подчеркнутом внимании к национальной безопасности этих стран. Подробности поддержки не разглашались – видимо Обама решил, что пока Россия увязла в Украине, то у него еще есть время поразмыслить. Что ни говори, а главной проблемой региона была все-таки стабильность прибалтийских государств, где основной угрозой было хотя и не вторжение, но подрывная деятельность против них со стороны России.

Поскольку русские, как выражается Фридман, «вцепились в Севастополь», для Соединенных Штатов стало важным модернизировать военно-морские силы Румынии, что, параллельно с размещением военно-воздушных сил США в этом регионе, создало бы угрозу русскому флоту. Предполагалось, что параллельно это увеличит возможности защиты Грузии, прикрыв одновременно незаменимый путь транспортировки ресурсов из Азербайджана. Более того, если смотреть в корень, то считалось, что «сильный флот на Черном море может создать проблемы России, особенно в том случае, если правительство Украины устоит, а Крым останется изолированным». В этом же ракурсе Фридман рассматривает и визит министра обороны США Чака Хэйгела в Румынию, и непрерывные дипломатические контакты между США и Турцией, а также между лидерами Турции, Польши и Румынии. Что касается Турции, то, считает Фридман, она хотела бы стать частью любой союзной структуры, создаваемой Америкой в этом регионе.

В итоге, в середине 2014 года стало складываться впечатление, что региональные игроки стали постепенно втягиваться в процесс создания новых союзных структур. Процесс пребывал еще в зародыше, но он уже заставлял русских оценивать свое будущее. Дополнительный ресурс этого процесса, конечно же, энергетика. И вроде бы у России есть свое преимущество: некуда скрыть того, что многие нации, страшась Москвы, также зависимы от ее природного газа. Но в этом и слабость русских. Природный газ – сильный, но не особо доходный рычаг. Суть дела, по мнению Фридмана, состоит в следующем: «Бюджет России, да и по

правде говоря, вся их экономика выстроена вокруг нефти. Главная опасность для Москвы заключается в том, что она не контролирует ее цену. Радикальное изменение цены «черного золота» как минимум приведет к стагнации экономики России. И Обама не зря указал на эту возможность. Он дал понять Путину, что знает об «ахиллесовой пяте» российской экономики. Но размещение военных соединений не является ключевым элементом разрабатываемой Западом стратегии. Обвал рынка нефти – вот ключевой ее элемент, но даже понимание этого делает ее реализацию невероятно трудно исполнимой»²⁷.

Однако и на этом направлении намечаются серьезные подвижки. Не исключено, что намечающееся соглашение по ядерному оружию между Вашингтоном и Тегераном откроет вскоре мировой рынок для иранской нефти. На порядке дня восстановление добычи ливийской нефти. Да и сам Вашингтон в состоянии изменить свою политику и приступить к экспорту нефти и сжиженного природного газа.

Вместе с тем, было бы большой ошибкой утверждать, что все эти меры представляют в данный момент непосредственную угрозу России. Судя по всему, могут пройти годы, прежде чем все эти и другие источники энергии выйдут на сцену. Но само падение цены на нефть от исторического максимума в 145 дол. США за баррель перед вторжением в Грузию, до 111 дол. США за баррель в час оккупации Крыма, а потом еще до 65 дол. США под конец 2014 года – все это зримые подвижки в этом направлении. Хотя не следует забывать и о том, что страны-экспортеры нефти тоже будут терпеть убытки. Кроме того, сделав нефть настолько легкодоступной во всем мире, будет сложно добиться потом обратного эффекта. Да и российская сторона знает обо всем этом, а поэтому на последние 10 лет ставит задачу диверсификации экономики в достаточной степени для уменьшения ее уязвимости от колебания цен на рынке нефтепродуктов. А потому здесь решающую роль будет играть фактор времени: «Угрозой Москве может стать всплеск поставок энергоресурсов с последующим уменьшением цен на нефть до того, как Россия завершит этот процесс. Для Соединенных Штатов игра заключается не в массированном вооружении Польши, не в построении в Румынии мощного флота и не в изменении мирового нефтяного рынка. Все куда проще: Вашингтон хочет показать, что готов на это пойти. Эта демонстрация

заставила русских пересмотреть свои намерения до того, как эти угрозы стали реальностью. И не то, чтобы Вашингтон блефует – просто там хотели бы достичь своих целей, не прилагая сверхусилий и, говоря откровенно, без торпедирования цены на нефть»²⁸.

И это тоже можно понять, ведь нефть, в конце концов, не является единственным рычагом влияния на Россию. Например, США начали постепенно ослаблять российскую экономику в финансовой сфере, отсекая возможности России пользоваться тем, что в условиях глобализации многие привыкли считать общим – финансовые рынки инструменты, платежные системы и так далее. Использование этого рычага влияния санкций против шестой экономики мира и члена «Большой двадцатки» стало важным напоминанием всем новым центрам силы, насколько они уязвимы до тех пор, пока оператором нового экономического порядка являются Соединенные Штаты. Да и демонстрацией того, как быстро Америка может начать использовать это положение в политических целях против той или иной страны.

И не зря ведь российские аналитики, как тот же упоминаемый выше Дмитрий Суслов утверждают, что принятие применяемых Америкой экономических мер «способны заметно ухудшить ее экономическое состояние в средне- и долгосрочной перспективе», хотя и убеждают себя и других, что эти меры «не заставят Москву изменить политику в отношении Украины». Ведь и сами они не возражают против того, что «ограниченная системная конфронтация» России и США – это всерьез и надолго. По их прогнозам, продлится эта конфронтация как минимум до конца следующего президентского цикла в Америке, то есть до 2025 года (видимо, в полномочиях Путина на это время они не сомневаются). Но вот закончится она, по российским прогнозам, «существенным ослаблением одной из сторон и установлением новых правил взаимоотношений». На этом выводе лежит даже какая-то печать обреченности, о чем свидетельствует ссылка на мысль, что «даже если Россия будет прилежно работать над политическим урегулированием, уважающим суверенитет и территориальную целостность Украины, Вашингтон продолжит пытаться наказывать, сдерживать и ослаблять Россию, рассматриваемую отныне в качестве противника»²⁹.

Что ж, действительно, какой другой прогноз можно ожидать от сторонника *realpolitik*, привык-

шого видеть решение всех вопросов исключительно в контексте жесткого силового противостояния? Но, с другой стороны, ведь и рассчитывать на исключительно рациональное поведение политиков тоже не приходится. А Россия – она ведь больше других ослабляет сама себя.

Посеявший ветер – пожнет бурю

В канун 2015 года в российском обществе все больше стало ощущаться настроение, сформулированное публицистом Александром Бауновым: главная проблема авторитарных режимов состоит в том, что здесь человек тоже мера всех вещей. Но суть дела в том, что в стране с авторитарным режимом все даже знают имя этого человека. И знают часто не в силу каких-то политических соображений – просто каждого рано или поздно начинает одолевает экономика.

Так, например, в канун 2014 года российский обыватель должен был понять: почему это девальвация в 3% (доллар тогда подорожал с 33 до 34 рублей) поможет российским производителям? Год спустя, в канун 2015 года перед тем же обывателем снова возник аналогичный вопрос: почему это девальвация в 100% (доллар подорожал было до 80 рублей) тоже должны помочь отечественному производителю? В итоге, в неостановимом падении рубля без очевидных для обывателя причин, пишет Баунов, общество «беспокоит не столько оно само – падение, сколько то, что Владимир Путин, застывший у черты между правой и левой диктатурой, между капиталистической и не пойми какой, может махнуть на этот непонятный враждебный капитализм рукой и черту перейти. Пока-то он вроде за капитализм, но как-то ненадежно, не до конца убедительно, и это нам внутри видно, а снаружи уже и не разглядеть... Инвесторы и прочие капиталисты тоже чувствуют, что может махнуть и перейти, поэтому рубль и падает – быстрее, чем это можно было бы объяснить нефтью и даже Украиной»³⁰.

А в контексте Украины, отмечает «Газета.Ru», свои проблемы. Нервозная смена тактики в среде российских чиновников, отвечающих за работу в этом направлении, привели к тому, что за осенние три месяца «летели головы не только начальников, но и рядовых сотрудников». Оказывается, все дело в том, что в сентябре месяце провалилось несколько протестных акций на востоке Украины. А отстраненные сейчас чиновники как раз и занимались анализом ситуации и информационной

поддержки этих акций. Их задачей, пишет упомянутое издание, как раз и было «создать, так скажем, пророссийские настроения на юго-востоке. Они не справились с задачей по укреплению доверия к России в регионе». И не справились не в последнюю очередь из-за профилактических мероприятий силовых структур и спецслужб Киева: «Противники киевской власти – коммунисты, бывшие регионалы, активисты Киева, сторонники федерализации и другие сочувствующие ДНР и ЛНР группы – действительно организовывали демонстрации в Харькове, Одессе, Днепропетровске и других восточных регионах осенью, однако они еле набрали несколько сотен человек и серьезного влияния на обстановку в регионе не оказали. СБУ еще к концу лета постаралась взять под контроль всех пророссийских активистов для борьбы с сепаратистскими настроениями. Тысячи задержанных пророссийских активистов на территории Украины в ДНР и ЛНР считаются политзаключенными. Обычно они проходят по статьям за терроризм, экстремизм, госизмену, попытку подрыва территориальной целостности, сепаратизм и т.д.»³¹.

И что бы кто ни говорил в оправдание кадровой перетряски в Москве, что это, дескать, было плановое замещение людей, которые подбирались под какие-то конкретные задания, но суть дела то в ином. Жесткое сопротивление украинских воинских соединений и добровольцев всевозможным сепаратистским группировкам, руководимым из Москвы, спутало все карты российским стратегам. Вот это неожиданное для Москвы сопротивление, по данным того же российского источника, привело к тому, что за девять месяцев генеральная линия Москвы по отношению к Украине менялась три раза. Да к тому же и усугубляющиеся санкции стран Запада стали одолевать. А это свидетельствует о том, считают российские аналитики, что успешным кураторство «украинского вопроса» в Москве не назовешь никак. Вне зависимости, кто бы его ни курировал, – то ли Сергей Глазьев, то ли Владислав Сурков: «Никакого «железного плана» нет, все ситуативно. То же самое с подбором кадров... Роль российских структур в поддержке протестного движения снизилась летом после волны зачистки пророссийских активистов украинскими спецслужбами. Теперь никому не рекомендуют протестовать открыто, а подпольной частью заведуют спецслужбы»³².

Согласно данным той же «Газеты.Ru», применяемая в последнее время Россией тактика сводит-

ся к тому, что в организации вооруженных выступлений задействованы силовые структуры. В то же время работа чиновников Администрации президента заключается в том, что их периодически выводят на всевозможные передачи на федеральных каналах, а также тиражируют их выступления через газеты и сайты. Согласно стратегической линии, на первом этапе (до сентября 2014 г.) эти деятели провозглашали линию на поиск компромисса между ЛНР и ДНР и остальной Украиной, вплоть до проведения референдума о воссоединении. Потом кукловоды донецких сепаратистов убедились, что Россия психологически Украину потеряла. А уж после назначения министров в украинском правительстве из числа иностранцев, на идее о всевозможных референдумах в Москве вообще было поставлено точку. Отныне тактика изменилась – в Москве стали видеть ЛНР и ДНР в статусе каких-то «независимых государств», а по отношению к Украине была поставлена задача вести информационную войну в расчёте переломить в будущем общественное настроение не в пользу украинской государственности.

Хотя и по поводу этой тактики высказываются серьезные сомнения. Так, заведующий кафедрой связей с общественностью МГИМО Валерий Соколов уверен, что никакие политтехнологии заведомо не могли принести успеха: «Нужна была регулярная армия и диверсионная деятельность в тылу. Республики существуют, и это уже безусловный успех. А будущее их похоже на будущее Приднестровья. Но с одной важной оговоркой. Расходы на их содержание будет нести Россия. Возмож-

но, удастся заставить бежавшую в Россию украинскую элиту взять часть этих расходов на себя. Но в любом случае Донбасс превращается в «черную дыру» российской экономики, политики и геополитики. Стратегии в отношении Украины не было изначально. А аксиома стратегического управления гласит: никакие тактические успехи не могут компенсировать отсутствие стратегии: сторона, не имеющая стратегии, всегда проигрывает»³³.

Приходится констатировать, что пока стратеги от *realpolitik* выстраивают новые планы силового противостояния – один жестче другого – ситуация для жителей Донбасса только ухудшается. Сотни тысяч людей гуманитарными конvoями не накормишь и не обогреешь. Необходимо восстановление рабочих мест и финансового сектора. А они рушатся и в самой России, где в силу санкционных мер страдает не в последнюю очередь и гражданское общество. Хотя, по большому счету, оно тоже несет на себе часть политической вины, поскольку согласилось на силовое принуждение Украины к отказу от европейской системы ценностей, а 86% опрошенных россиян поддержали аннексию Крыма. Все это не может пройти бесследно: ложный путь «принуждения к братству» украинского народа с российским неминуемо приводит к фатальным последствиям для избравших этот путь.

А вот поиск нового пути – «ко-эволюции» разнообразных общественных институтов различных регионов мира, основанных не на примате «hard power», а на исторически сложившейся системе ценностей «soft power» – это уже предмет особого разговора.

ССЫЛКИ:

- 1 Сулов Д. Всерьез и надолго. – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Vserez-i-nadolgo-17102>.
- 2 Уолландер С. Дверь к более конструктивным отношениям не закрыта. – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Dver-k-bolee-konstruktivnym-otnosheniyam-ne-zakryta-17185.
- 3 Президент России. Официальный сайт. Послание Президента Федеральному Собранию. – Доступно: <http://news.kremlin.ru/transcripts/47173/print>.
- 4 Медведев Д. Россия и Украина: жизнь по новым правилам. – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Rossiya-i-Ukraina-zhizn-po-novym-pravilam-17183.
- 5 Уолландер С. Дверь к более конструктивным отношениям не закрыта. – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Dver-k-bolee-konstruktivnym-otnosheniyam-ne-zakryta-17185.
- 6 Гаджиев К.С. Введение в политическую философию: Учебное пособие. – М.: «Логос». – 2004. – С. 209.
- 7 Кумова И. Неолиберализм. – Доступно: <http://www.academia.edu/7110551%D0%9D%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%...>
- 8 Жариков В. Правило набедренной повязки. – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Pravilo-nabedrennoi-povyazki-17144>.
- 9 Фридман Дж. К чему приведут протесты на Украине? – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/K-chemu-privedut-protesty-na-Ukraine-16343>.

¹⁰ Прогноз Startfor: холодная война, национализм в Европе, провокации в Балтии и Украине. – Доступно: data:text/html;charset=utf-8,%3Cdiv%20class%3D%22post-header%22%20style%3D%22margin%3A%200px%...

¹¹ Фридман Дж. Переноса модель стратегического прогнозирования в Москву. – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Perenosya-model-strategicheskogo-prognozirovaniya-v-Moskvu-17165>.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Фридман Дж. Переноса модель стратегического прогнозирования в Москву. – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Perenosya-model-strategicheskogo-prognozirovaniya-v-Moskvu-17165>.

¹⁵ Меркель усомнилась в адекватности Путина. – LB.ua/ – Доступно: http://lb.ua/news/2014/03/03/257911_merkel_usomnilas_v_adekvatnosti.html?print

¹⁶ Примаков Е. Украина: тяжелое сегодня и сложное завтра. – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crisis/Ukraine-tyazheoloe-segodnya-i-slozhnoe-zavtra-16954.

¹⁷ Мерфи Р. Неадекватность Обамы в украинском вопросе замыкает круг. – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Kholodnaya-voyna-v-Evropе-ne-neizbezhnost--16950>.

¹⁸ Суслов Д. Всерьез и надолго. – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Vserez-i-nadolgo-17102>.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Экс-советник Путина: Войну с Украиной готовили долго, и она будет долговременной. – Доступно: data:text/html;charset=utf-8,%3Cdiv%20id%3D%22news-id-245600%22%20style%3d%22color%3A%20grb...

²² Фридман Дж. К чему приведут протесты на Украине? – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/K-chemu-privedut-protesty-na-Ukraine-16343>

²³ Там же.

²⁴ Суслов Д. Всерьез и надолго. – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Vserez-i-nadolgo-17102>.

²⁵ Арбатов А. Украина и реальная политика. – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crisis/Ukraina-i-realnaya-politika-16754

²⁶ Фридман Дж. Startfor: За что сражаются Россия и США в Украине. ОКО ПЛАНЕТЫ информационно-аналитический портал. – Доступно: data:text/html;charset=utf-8,%3Cdiv%20id%3D%22news-id-245600%22%20style%3d%22color%3A%20grb...

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Суслов Д. Всерьез и надолго. – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Vserez-i-nadolgo-17102>.

³⁰ Баунов А. Валютный занавес и конец путинской потребительской революции. – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crisis/Valyutnyi-zanaves-i-konetc-putinskoi-potrebitelskoi-revolyucii-17188.

³¹ Дергачев В. Не раскачали лодку. – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crisis/Ne-reskachali-lodku-17163.

³² Там же.

³³ Там же.

Tkachenko V.N., Doroshenko N.P. Realpolitik: the global origins of crisis in Ukraine.

The article analyzes global issues of Russia's «hybrid war» against Ukraine in the interpretation of realpolitik school adepts.

Keywords: crisis in Ukraine, separatists, crisis response, peacekeeping operation, annexation of Crimea, the LNR and DNR, Novorossiya, cold war, international society, «hard power», «soft power», sanctions.

Ткаченко В.М., Дорошенко М.П. Realpolitik: глобальні витоки кризи в Україні.

У статті аналізується глобальні витоки «гібридної війни» Росії проти України в інтерпретації послідовників школи realpolitik.

Ключові слова: криза в Україні, сепаратисти, кризове реагування, миротворча операція, анексія Криму, ЛНР і ДНР, холодна війна, міжнародна спільнота, «жорстка сила», «м'яка сила», санкції.

Стаття надійшла до редколегії 12.12.2014

Прийнята до друку 04.03.2015